

«ТЯГА К ДВУХПАРТИЙНОСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛЬШИ: ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

И. С. Путинцев

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 29.07.2022 г.
Принята к публикации 15.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2
© Путинцев И. С., 2023

Исследуется тенденция к усилению роли двух партий, которая наблюдается в Польше более 15 лет. На основании различных проявлений можно сделать заключение, что в Польше сложилась партийная система с двумя доминирующими партиями. Используя формулировку М. Дюверже, можно сказать, что польской модели присуща «тяга к двухпартийности». В работе анализируются факты, которые позволяют прийти к такому выводу: это не только распределение депутатских мест в Сейме по итогам выборов (что является основным критерием), но также многие другие количественные и качественные характеристики политической системы. Основная цель работы — выявить причины формирования «тяги к двухпартийности» и оценить перспективы ее дальнейшего развития с учетом того, что обе ведущие партии сталкиваются с многочисленными сложностями. В итоге делается вывод, что перспективы эволюции польской партийной модели в направлении двухпартийности ограничены, и со временем Польша может вернуться к исторически характерной для нее многопартийной модели с большим количеством влиятельных партий. При этом в последние годы наличие двух доминирующих партий в политической системе имело больше позитивных последствий, чем негативных.

Ключевые слова:

Польша, партийная система, «Право и справедливость», «Гражданская платформа», двухпартийность, две доминирующие партии, тяга к двухпартийности

Введение

В первые два десятилетия XXI в. партийная система Польши существенно видоизменилась. На смену хаотическому чередованию у власти множества нестабильных партий пришла значительно более структурированная система, ключевыми субъектами которой стали две новые партии — «Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданская платформа» (ГП). Начиная с 2005 г. только кандидаты от данных сил становились президентами и премьер-министрами. Усилилась поляризация политической жизни: борьба двух партий стала главным нервом польской политики, а ее накал отражает широко распространенная формулировка «польско-польская война». Противостояние ПиС и ГП также регулярно оказывается в центре международного внимания: будь то смоленская авиакатастрофа 2010 г. или усиление противоречий между польскими властями и органами Евросоюза в последние годы.

Для цитирования: Путинцев И. С. «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 18–33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

Несмотря на доминирование ПиС и ГП в политической жизни Польши, в ее отношении практически никогда не используется термин «двухпартийность». Действительно, в строгом понимании двухпартийность предполагает полное отсутствие политического влияния у любых партий, кроме двух, — по примеру США. В случае Польши это не так: начиная с 2005 г., в Сейме наряду с ПиС и ГП были представлены еще от двух до четырех партий и блоков, а некоторые из них входили в правящую коалицию и обеспечивали парламентское большинство. Однако, безусловно, современный тип польской многопартийности — это вовсе не тот тип, который существовал в 1990-е гг. Используя терминологию М. Дюверже [1, с. 298], можно говорить о существовании в Польше «тяги к двухпартийности» (*two-party tendency*), характеризующей ее многопартийную систему, которую также можно назвать системой с двумя доминирующими партиями (*two-and-a-half party system*¹), применяя классификацию А. Сиароффа, и основной критерий которой — наличие у двух политических сил от 80 до 95 % мест в парламенте [2, р. 272].

В последние годы некоторые исследователи делают вывод, что в середине 2000-х гг. в Польше возникли «зачатки двухпартийной системы» (*embryonic two-party system*) [3, р. 592]. Однако ранее такая мысль казалась преждевременной и недостаточно подкрепленной реалиями. Имевшийся опыт партстроительства и традиции польской политической культуры говорили не в пользу формирования институционально стабильной партийной системы, тем более в двухпартийном варианте. Делался вывод, что о формировании «двухполюсной системы» (*bipolar system*) говорить еще рано и что имеющиеся тенденции можно объяснить поляризацией общественного мнения и протестным голосованием [4, р. 435]. Утверждалось, что в будущем в Польше вряд ли будет существовать иная система, кроме многопартийной [5, с. 82], либо переход к двухпартийности будет длительным и потребует укрепления внутренней стабильности основных политических сил [6, с. 199]. Встречалось и мнение, что отнести партийную систему Польши к тому или иному типу из наиболее известных невозможно в принципе [7, с. 51].

Однако в настоящее время можно с определенностью сказать, что в последние 15—20 лет наблюдалась достаточно устойчивая стабилизация польской партийной системы при закреплении ведущей роли двух политических сил. В чем проявляется эта роль? Вследствие каких причин произошло формирование данной системы? Можно ли на основании имеющихся тенденций сделать вывод, что «тяга к двухпартийности» — не временное явление и может получить дальнейшее развитие?

Проявления доминирования двух партий в политической системе

Вначале следует рассмотреть на конкретных примерах, почему партийную систему Польши можно отнести к модели с двумя доминирующими партиями, а не к иным типам многопартийности. Прежде всего необходимым количественным критериям в целом соответствуют результаты выборов. Как уже отмечалось, для того чтобы говорить о наличии доминирующих партий, нужно, чтобы они контролировали на двоих не менее 80 % мест в парламенте. В случае Польши имеет значение главным образом распределение мест в Сейме как палате, наделенной ключевыми полномочиями при формировании правительства и в законодательном процессе. Начиная с 2007 г., на четырех подряд выборах в Сейм ГП и ПиС, а также возглавляемые ими предвыборные блоки получали суммарно от 79 до 82 % мест (табл. 1). Данный результат в целом соответствует нижней планке критерия, при этом важно

¹ Буквальный перевод данного термина («двух-с-половиной-партийная система») равнозначен смыслу — система с двумя доминирующими партиями.

не только его значение, но и стабильность во времени. С учетом расклада сил в Сейме только члены ГП и ПиС могут претендовать на должность главы правительства, другие партии могут в лучшем случае стать младшим партнером в коалиции. В Сенате преобладание двух партий является абсолютным: с 2007 г. они контролируют более 90 % мест (впрочем, следует учитывать, что в Польше Сенат имеет мало полномочий). Различия в степени доминирования двух партий в Сейме и Сенате объясняются прежде всего использованием разных избирательных систем: пропорциональной и мажоритарной соответственно. Что касается выборов в Европарламент, то с 2009 г. депутаты от ПиС и ГП традиционно получали от 75 до 80 % мест по польской квоте.

Таблица 1

Суммарный результат ПиС и ГП² на общенациональных выборах с 2005 г., %

Год	Доля мест		Доля голосов в первом туре выборов президента
	Сейм	Сенат	
2005	63	83	66
2007	82	99	—
2010	—	—	78
2011	79	94	—
2015	81	95	69
2019	80	91	—
2020	—	—	74

Примечание: прочерк означает, что данные выборы в указанный год не проводились.

Укреплению новой модели польской партийной системы способствовало также то, что с 2005 г. только политики от двух ведущих партий занимают должность президента. То, что глава государства после избрания становится беспартийным, не имеет реального значения: фактически он действует в неразрывной связи с поддерживающей его политической силой, тем более что существующие ограничения являются лишь данью традиции, заложенной в 1995 г. президентом А. Квасьневским, а не четко прописанной нормой права³. В последние 20 лет президентские выборы превратились в борьбу двух соперников от ПиС и ГП, которые всегда выходили во второй тур. Сформировался стандартный сценарий президентской гонки, во многом определяющий общественные ожидания, действия партий и используемые ими политтехнологии. Несмотря на ограниченные полномочия, президент играет немалую роль в польской политике: например, он обладает правом вето, для преодоления которого требуется не менее 60 % голосов в Сейме (обычно у правящих сил нет такого большинства).

Тенденция к усилению влияния двух партий наблюдается не только в общенациональной политике, но также на региональном уровне. Если в 2006—2014 гг. ПиС и ГП получали от 63 до 66 % мандатов в сеймиках воеводств в целом по стране, то на выборах 2018 г. эта доля возросла до 80 %⁴. При этом в 7 воеводствах из 16 одна из двух партий получила абсолютное большинство в сеймике: в шести регионах — ПиС, в одном — ГП.

² Считая возглавляемые ими предвыборные блоки: «Объединенных правых» на базе ПиС в 2015 г. и «Гражданскую коалицию» на базе ГП в 2019 г.

³ L. Kaczyński: konstytucyjnie dyskusyjne czy prezydent może być szefem partii, *Dziennik Gazeta Prawna*, 15.06.2009, URL: <https://prawo.gazetaprawna.pl/artykuly/324893,lkaczynski-konstytucyjnie-diskusyjne-czy-prezydent-moze-byc-szefem-partii.html> (дата обращения: 26.07.2022).

⁴ Расчеты автора по официальным результатам выборов; количество мест в каждом из 16 воеводств рассматривались как равновесное.

Большое значение имеет участие двух партий в местном самоуправлении, хотя оно проявляется асимметрично. ПиС традиционно показывает слабый результат на местных выборах, в то время как козырем ГП выступает высокий уровень поддержки в больших городах. Из десяти крупнейших городов Польши шесть находятся под управлением мэров от ГП: Гданьск — все последние 20 лет, Варшава и Люблин — с 2006 г., Лодзь и Быдгощ — с 2010 г., Познань — с 2014 г. Особую роль играет столица, где после недолгого периода преобладания ПиС в первой половине 2000-х гг. (когда мэром был будущий президент Л. Качиньский) у власти прочно закрепилась ГП.

О стабилизации партийной системы, связанной с наличием двух ведущих партий, свидетельствует также существенное укрепление партийной дисциплины в парламенте после 2005 г. Выход депутатов из фракций правящих партий перестал иметь массовый характер во второй половине 2000-х гг. [8, р. 359]. В последующем отдельные попытки расколоть изнутри ПиС и ГП, в том числе с участием статусных политиков (см. об этом, напр.: [9, с. 74—75, 78—79]), имели обратный эффект: не угрожая влиянию партий, они лишь способствовали их внутренней консолидации [10, р. 190].

На доминирование двух партий указывают не только результаты выборов и иные количественные показатели. Его проявлением является также возросшая поляризация польской политической жизни. На момент появления ПиС и ГП эти партии не казались антагонистами, а напротив, как две правые силы рассматривались в качестве потенциальных партнеров. Сложенная из польских названий двух партий (*PO*, *PiS*) шутивная аббревиатура «*POPiS*», которую можно также перевести как «представление», «шоу», первоначально отражала политико-идеологическую близость этих сил. На местных выборах 2002 г. они даже выступали единым списком, за исключением столичного воеводства. После парламентских выборов 2005 г., когда ПиС и ГП впервые заняли первые два места, многие ожидали создания широкой коалиции с их участием. Однако образование блока ПиС с правыми популистами при формировании правительства и конфликтный характер президентских выборов 2005 г. положили начало политико-идеологическому размежеванию двух партий.

В последующем это размежевание лишь усиливалось. Авиакатастрофа под Смоленском, в которой погиб президент Л. Качиньский и многие члены его окружения, сделала непримиримыми отношения его брата Я. Качиньского, возглавлявшего ПиС, с лидером ГП Д. Туском, на которого оппоненты пытались возложить ответственность за случившееся. На момент возвращения ПиС к власти в 2015 г. Д. Туск уже стал председателем Евросовета и олицетворял ориентированные на ЕС силы, в то время как новые власти вступили с Брюсселем в затяжной конфликт. (По иронии судьбы, Польша была единственной страной в ЕС, которая проголосовала против переизбрания Туска в 2017 г.). Внутри страны ПиС провозгласила себя борцом за традиционные польские ценности и суверенитет, в то время как ГП — за демократию, гражданские права и единую Европу. Ярко проявляются и личностные различия между Я. Качиньским и Д. Туском: если первого называют «консервативным революционером», сравнивая с В. Орбаном и Р.Т. Эрдоганом [11, с. 89], то второй — гибкий прагматик, делающий акцент не на идеологии, а на технократических решениях (политика «горячей воды в кране») [10, р. 185].

Поляризация превратила взаимоотношения двух ведущих партий в «игру с нулевой суммой», когда то, что хорошо для ПиС, — плохо для ГП, и наоборот. В их тени (а отчасти — и в их орбите) находятся другие, менее влиятельные политические силы, которые лишь в небольшой степени могут воздействовать на текущую повестку. Выбор между двумя партиями — центральный вопрос польской политики и основной фактор политического самоопределения большинства избирателей. Он в значительной мере определяет содержание и тональность общественно-политических дискуссий. Партии стали явно отличаться друг от друга: если в 2005 г. 45 %

избирателей ГП рассматривали ПиС как основной альтернативный вариант при голосовании, то к 2011 г. эта доля сократилась до 3%; среди избирателей ПиС она упала с 37 до 6% [12, р. 493].

Как следствие произошедшего размежевания, в польской политической публицистике сформировался стереотипический образ сторонников двух партий: за ПиС голосуют «мохеровые береты» (или «мохеры») — возрастные жители небольших городов, ревностные католики, имеющие только среднее образование и весьма скромный уровень дохода; ГП поддерживают «лемминги» — космополитически настроенное молодое население крупных городов с хорошим образованием, материальным положением и высокой социальной мобильностью [13, с. 55]. Четко проявляется и территориальное разделение в уровне поддержки ПиС и ГП: за первую партию чаще голосуют в центральных и юго-восточных районах, за вторую — в крупных городах и так называемых возвращенных землях, вошедших в состав Польши в 1945 г.

Данные образы, впрочем, не создают полного представления о реальной картине голосования. Вопреки стереотипу обе партии имеют многочисленных сторонников во всех слоях общества и регионах страны, что характерно для устойчивых систем с двумя доминирующими партиями. Они опережают другие силы по уровню поддержки практически в любой группе избирателей: по возрасту, образованию, месту проживания и профессии; причем в середине 2010-х гг. ПиС стала лидировать во всех выделяемых группах (включая молодежь, студентов, крупнейшие города и лиц с высшим образованием), за исключением работников из сферы менеджмента [14, р. 104].

«Тяга к двухпартийности», возникшая в Польше с середины 2000-х гг., способствовала росту стабильности партийной системы. В 2007 г. в парламент впервые не прошла ни одна новая партия. В 2011 г. правящая коалиция смогла избраться на второй срок, переломив традицию, в соответствии с которой на парламентских выборах всегда побеждала оппозиция. В 2015 г. в Сейме впервые не потребовалось формировать коалицию, поскольку одна политическая сила получила абсолютное большинство мест. В 2019 г. данная ситуация повторилась. Обе ведущие партии получили опыт работы и во власти, и в оппозиции: на трех выборах побеждала ПиС (2005, 2015 и 2019 гг.), на двух — ГП (2007 и 2011 гг.). Польская партийная система продемонстрировала устойчивость в условиях сильных внешних и внутренних потрясений: мирового финансового кризиса 2008 г., авиакатастрофы под Смоленском, вооруженных конфликтов на Украине, пандемии COVID-19. Средневзвешенные данные соцопросов, проводившихся с января по октябрь 2022 г., показывают, что ПиС стабильно пользуется поддержкой от 36 до 38% избирателей, а созданная на базе ГП «Гражданская коалиция» имеет рейтинг от 27 до 29%⁵.

Все перечисленные факты подтверждают, что с началом чередования у власти ПиС и ГП партийная система Польши стала более структурированной и обрела новые качества, позволяющие говорить о ней именно как о системе с двумя доминирующими партиями. На данный момент она выдержала проверку временем. В связи с этим необходимо проанализировать причины и предпосылки, которые способствовали ее формированию.

Причины и предпосылки «тяги к двухпартийности»

Выявление причин и предпосылок «тяги к двухпартийности» облегчается четкой локализацией времени ее появления. Возникнув в начале 2000-х гг. как партии второго эшелона польской политики, ПиС и ГП к концу десятилетия установили

⁵ Poll of Polls — Polish polls, trends and election news for Poland, 2022, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/poland/> (дата обращения: 29.10.2022).

в ней лидерство. Одной из главных предпосылок этому стал глубокий идеологический кризис польских левых сил (по традиции называемых «левицей», в противоположность правым силам — «правице»). Опираясь на богатые исторические традиции, «левица», основу которой в Польше составляли «перекрасившиеся» бывшие коммунисты, была одним из двух полюсов в польской политике в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. Ее представитель А. Квасьневский дважды побеждал на выборах президента, социал-демократы в разное время играли главную роль в правящей коалиции на протяжении двух парламентских каденций. Опираясь на голоса тех избирателей, которые были недовольны последствиями «шоковой терапии» и снижением социальных гарантий государства, партия тем не менее сильно сдвинулась вправо. Во второй половине 1990-х гг. она отказалась от взвешенных оценок социалистического прошлого в пользу концепции тоталитаризма [15, с. 56], полностью поддержала интеграцию в НАТО и ЕС, а при премьер-министре Л. Миллере (2001—2004) стала неотличима от правых партий и с точки зрения своего социально-экономического курса. Как отмечают исследователи, либеральная экономическая политика левых сил в первой половине 2000-х гг. «привела к отходу от ценностей социал-демократии и потере идеологической идентичности» [16, с. 179].

Основными бенефициарами стали две правые партии, которые получили возможность быстрого роста за счет привлечения разочарованных избирателей социал-демократов. При этом каждой из партий было что предложить им: для Пис характерны левые патерналистские взгляды в экономике и социальной сфере, а ГП привлекает людей светского мышления, выступающих против усиления клерикальных тенденций (в Польше данный вопрос — один из центральных). То, что при этом обе партии относятся к правым, касается прежде всего их исторических корней и трактовки вопросов, важных для национальной истории и идеологии. Таким образом, Пис и ГП получили возможность выйти за пределы первоначально достаточно узкого круга сторонников и заявить о себе как о партиях с широкой политической повесткой, затрагивающей все слои населения.

Это породило потребность в более четком идеологическом позиционировании и усилении программных различий между ведущими партиями. В эпоху правления идеологически «всеядных» социал-демократов в первой половине 2000-х гг. различия в программах польских партий в целом не были значительными, поэтому избирателям было непросто делать выбор из ограниченного числа альтернатив [17, р. 594]. Данная ситуация, которая привела к стремительному упадку левых сил и быстрому подъему правопопулистских партий, обозначила потребность в четком политическом размежевании. Произшедшая в результате кристаллизация взглядов, программных подходов и идеологической самоидентификации способствовала институционализации партийной системы на новых началах [18, s. 85]. Поддержка двух партий возросла, в том числе за счет крайних сегментов политического спектра: так, в 2007 г. Пис «перетянула» голоса 60 % избирателей правопопулистской Лиги польских семей [19, s. 589], утратившей представительство в парламенте, а ГП на тот момент стала объединять избирателей либерального фланга. Сложнее обстояли дела с правопопулистской «Самообороной», лидера которой А. Леппера за усилившееся сходство с Л. и Я. Качиньскими стали называть «третьим близнецом» [20, с. 897]: половина ее избирателей не явилась на выборы 2007 г. [19, s. 589], но в 2010-е гг. ее бывший электорат также постепенно влился в ряды Пис.

Характерно, что идеологическое размежевание произошло не по стандартной для Польши модели «правица — левица». Обе партии скомбинировали в своей программе элементы обоих идеологических направлений, хотя по-прежнему считались правыми партиями. Анализ их программных установок показывает, что в сфере политического мировоззрения взгляды Пис являются правыми (условно на 70 %), а в

социально-экономических — левыми на все 100%; в то время как у ГП явно преобладает левое мышление в политических вопросах и правое — в экономических [21, с. 168]. Как следствие, в польской политике возникла диспропорция: хотя долю избирателей с левыми взглядами можно оценить в 25% [22, р. 64], левые силы получают на выборах от 7,5 до 13% голосов (в 2015 г. они даже не попали в Сейм). Остальные голоса в основном забирают доминирующие партии. Козырь ПиС — инициативная и последовательная социальная политика: так, введенную в ее правление государственную программу «500+» (ежемесячную выплату 500 злотых на каждого ребенка) поддержало 77% населения, что полностью блокировало возможность других партий оппонировать ей [23, с. 186]. Немаловажную роль играла также отмена пенсионной реформы, осуществленной в годы правления ГП, и снижение пенсионного возраста. Программа ПиС закрепила как главную цель строительство «польской модели современного государства благосостояния»⁶. На пике популярности в начале 2020 г. ПиС имела рекордный для Польши уровень поддержки — 50%⁷. В свою очередь, в пользу ГП играет активное недовольство многих поляков авторитарными и клерикальными тенденциями в правление ПиС: наступление на судебную систему, ужесточение запрета аборт, запрет торговли по воскресеньям и др. Поэтому в последние годы ГП сместила основные идеологические акценты из сферы экономики в сферу политики, выступая в защиту демократических институтов, прав женщин, за легализацию однополых партнерств и избегая характерных для правых сил отсылок к христианской идеологии и католической культурной традиции⁸. Таким образом, обе партии «присвоили» важные элементы левой повестки, что способствовало разделу между ними большей части политического поля.

Значительное влияние на формирование двухполюсной партийной системы в Польше оказал фактор Евросоюза. Если до вступления в ЕС в 2004 г. для польских партий был в целом характерен еврооптимизм, то с середины 2000-х гг. рост евроскептических настроений развел их по разным флангам. Интересно, что ГП, до вступления в ЕС активно заигрывавшая с соответствующим сегментом электората, впоследствии стала позиционировать себя как лагерь сторонников единой Европы — на контрасте с ПиС, закрепившей в своей программе принцип «евро-реализма»⁹ и все сильнее дрейфующей в направлении евроскептицизма. В спорах о европейской интеграции ярко проявляется характерное для польского общества обостренное отношение к сохранению суверенитета. Правыми политиками Брюссель все больше воспринимается как новый имперский центр, стремящийся диктовать свои условия и навязывать космополитические ценности, далекие от национальных традиций [17, р. 597]. С другой стороны, идея принадлежности Польши к Европе и католическому миру — фундамент ее национальной идеологии, поэтому ПиС выступает не против членства в ЕС, а за его фундаментальную трансформацию на базе христианских ценностей по модели «Европы наций» [24, с. 20]. Проблемы, связанные с поиском Польшей своего места в Евросоюзе, стали неисчерпаемым источником общественных споров, легко накладывающихся на противостояние двух ведущих партий.

⁶ Program Prawa i Sprawiedliwości 2019, Polski model państwa dobrobytu, 2019, s. 22, URL: https://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 28.10.2022).

⁷ Polish Public Opinion, CBOS — *Public Opinion Research Center*, November 2021, p. 3, URL: https://www.cbos.pl/PL/publikacje/public_opinion/2021/11_2021.pdf (дата обращения: 29.10.2022).

⁸ Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej, 2019, s. 9—10, 16, 23, URL: <https://platforma.org/upload/document/86/attachments/121/KO%20Program.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

⁹ Program Prawa i Sprawiedliwości 2019, Polski model państwa dobrobytu, 2019, s. 20, URL: https://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 28.10.2022).

На возникновение в Польше «тяги к двухпартийности» существенно повлияли также особенности законодательства о выборах. После взрывного роста количества парламентских партий в начале 1990-х гг. было создано немало правовых механизмов, сдерживающих потенциал малых партий. Был установлен довольно высокий избирательный порог: 5 % для партий и 8 % для коалиций. Это привело, например, к существенному искажению итогов выборов в 2015 г., когда ПиС и ГП получили значительно меньше голосов, чем ранее, но нарастили фракции в Сейме (табл. 2). Распределение мест в Сейме с 2005 г. вновь стало осуществляться по методу д'Ондта, несколько занижающему представительство малых партий. При этом места распределяются раздельно в каждом избирательном округе (в среднем по 11 мандатов), и для участия в Сейме необходимо преодолеть планку в данном округе, что в случае его малого размера благоприятствует крупным партиям [25, s. 77]. В комбинации с методом д'Ондта это создает в Польше достаточно сильные диспропорции при распределении депутатских мандатов. Без влияния этих диспропорций было бы невозможно ни сохранение большинства у правящей коалиции на выборах 2011 г., ни создание однопартийного правительства ПиС в 2015 и 2019 гг. На выборах в Сенат используется мажоритарная система, что сводит к минимуму шансы других партий, кроме ПиС и ГП. Все это не вполне подтверждает тезис, что роль избирательного законодательства в развитии польской партийной системы снижается с начала XXI в. [26, s. 345]. Оно остается принципиально важным ограничителем возможностей малых партий, как и задумывалось его создателями в нестабильные 1990-е гг.

Таблица 2

Диспропорции при распределении мест в Сейме с 2005 г., %

Год	Доля голосов за ПиС и ГП ¹⁰	Доля мест ПиС и ГП	Доля голосов за другие парламентские силы	Доля мест других парламентских сил
2005	51	63	38	37
2007	74	82	22	18
2011	69	79	27	21
2015	62	81	22	19
2019	71	80	28	20

Перспективы перехода к двухпартийности

Какие перспективы развития есть у польской модели системы с двумя доминирующими партиями? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо проанализировать, какие факторы сдерживают ее перерастание в полноценную двухпартийную систему, а впоследствии могут привести к возврату к более традиционному для Польши типу многопартийности.

Польская модель не может стать двухпартийной в ее классическом варианте, пока на выборах в Сейм сохраняется пропорциональная система. Вероятность отката от нее невелика: в условиях поляризации ПиС и ГП действуют рассогласованно и не в состоянии создать «партийный картель», который мог бы по своему усмотрению принципиально менять правила игры в польской политике в ущерб интересам малых сил [27, s. 103]. Попытки сделать это голосами однопартийного большинства взорвали бы ситуацию в обществе и привели к объединению вокруг главной партии — соперника всех оппозиционных сил. Ключевую роль в данном вопросе играет укорененная в национальной идеологии традиция, по которой все значимые общественные группы имеют право на политическое представительство.

Для польской политической системы характерно также такое явление, как «мода на партии» [28, с. 158]. С начала 2010-х гг. каждые парламентские и пре-

¹⁰ Считая возглавляемые партиями предвыборные блоки: «Объединенных правых» на базе ПиС в 2015 г. и «Гражданскую коалицию» на базе ГП в 2019 г.

зидентские выборы приносили относительный успех новым политическим силам и кандидатам, которые позиционировали себя как антисистемные. На парламентских выборах 2011 г. это было резко антиклерикальное «Движение Паликота», на президентских и парламентских выборах 2015 г. — правопопулистский политик, рок-музыкант П. Кукиз и возглавляемое им движение, в 2019 г. на выборах в Сейм в отдельных округах преодолел порог ультраправый блок «Конфедерация», в 2020 г. третье место на выборах президента занял независимый кандидат, шоумен Ш. Голвня. Они получали на выборах от 7 до 21 % голосов, прикладывая намного меньше усилий, чем традиционные партии, имеющие прочные организационные структуры и государственное финансирование. Во многом это результат протестного голосования, что подтверждается, например, тем, что 25 % избирателей П. Кукиза на предыдущих выборах поддержали Я. Паликота, хотя, казалось бы, идеологически между ними не было почти ничего общего [29, p. 242]. Традиционно от 20 до 32 % польских избирателей считают, что ни одна из существующих партий не выражает их интересы [30, s. 52]. Исследователи отмечают, что «создать успешную политическую партию в Польше — дело нескольких месяцев» [29, p. 240].

Кроме неустойчивых популистских партий в Польше есть также более стабильные парламентские силы, имеющие богатые исторические традиции и определенное влияние в реальной политике. Помимо социал-демократов это также «людовцы»¹¹ — Польская крестьянская партия, самая устойчивая в польской политике и единственная, которая была представлена в Сейме всех созывов. Отличаясь наиболее эклектичным набором взглядов, она обладает самым большим коалиционным потенциалом из всех польских партий [21, s. 168—169]. Ее традиционная роль — пытаться создать коалицию с более сильным парламентским игроком [31, с. 94]. В рамках данных коалиций, которые формируются как на национальном, так и на региональном уровне, она зачастую приобретает влияние, превышающее средний уровень ее поддержки (около 8—9 %).

В этой связи интересно сравнить польские партии по массовости. Парадоксальным образом две крупнейшие польские партии оказываются вовсе не лидерами по данному показателю. Так, численность членов Польской крестьянской партии в начале 2010-х гг. в среднем оценивалась в 100 тыс. человек, социал-демократов — было 59 тыс. [12, p. 492]. ГП и ПиС уступали им по численности, а по состоянию на 2018 г. в их рядах состояли лишь по 34 тыс. человек в каждой [10, p. 191].

За исключением ряда крупных городов, где доминирует ГП, в целом местное самоуправление в Польше не находится под контролем двух ведущих партий, как и каких-либо других. При этом полномочия и самостоятельность местных властей являются одними из самых широких в Европе [32, p. 512]: финансово они независимы от правительства и воеводств, что дополнительно подкрепляется возможностью получать прямые субсидии из фондов ЕС [33, с. 151]. Многие крупные города десятилетиями управляются самостоятельными политиками — даже те, которые в целом могут рассматриваться как электоральная вотчина ПиС (Краков, Жешув) или ГП (Щецин, Гдыня). В небольших городах и селах полностью преобладают местные политики. Партии там не играют существенной роли, причем на долю «людовцев» в начале 2010-х гг. приходилось больше членов местного самоуправления, чем у ГП и ПиС вместе взятых [12, p. 491].

Фактором потенциальной слабости двух ведущих партий выступает также их сильная персонализация. Как отмечают исследователи, по классической схеме партии создают лидера, в то время как в Польше, как и в других странах ЦВЕ, наоборот, партии формируются вокруг лидера [34, s. 75]. Обе партии называют вождистскими или даже «авторскими» — когда их лидеры являются одновременно их основателями [6, s. 197]. ПиС — это детище Я. Качиньского, который в качестве ее лидера имел, по общепринятой оценке, больше политического влияния, чем вышедшие из

¹¹ «Людовцы» — название членов польских крестьянских партий.

рядов его партии президенты и премьер-министры. ГП — это вотчина Д. Туска: попытки выдвинуть новых лидеров после его переезда в Брюссель закономерно провалились, и в 2021 г. он вновь возглавил партию. Между тем это возрастные деятели (Я. Качиньскому в 2022 г. исполнилось 73 года, Д. Туску — 65 лет), не сходящие с политического Олимпа уже более 20 лет. Для Польши это очень много. Неизвестно, переживут ли партии своих лидеров: опыт ГП показывает, что даже небольшое дистанцирование от них может привести к внутреннему кризису.

Обе партии не следует рассматривать как зеркальное отражение друг друга [19, s. 599]. ПиС идеологически является намного более цельной; она единственная из польских партий наработала ядро постоянно готовых голосовать за нее избирателей, не рассматривающих как альтернативу другие политические силы [14, p. 108—109]. При всех негативных оценках ее идеологической палитры (см., напр.: [35, с. 58]) нельзя не отметить, что ПиС отличается четким идеологическим позиционированием и для нее электоральный эффект проводимой политики в целом вторичен по отношению к идеологии [36, с. 196]. В свою очередь, у ГП с начала 2010-х гг. вследствие усиления прагматического характера и идеологической эклектичности возникли проблемы с сохранением лояльности избирателей. Существенная их часть стала голосовать за новые парламентские силы: бывшие сторонники ГП составляли 43 % электората «Движения Паликота» в 2011 г. [12, p. 492] и 71 % — партии «Современная» в 2015 г. [29, p. 238]. Начиная с середины 2010-х гг., ГП несколько раз проваливалась в опросах не только ниже ПиС, но и других политических сил. В 2015 г. она в определенный момент уступала объединению П. Кукиза [37, с. 152—153], в 2016 г. — либеральной партии «Современная» [38, с. 67]. В 2020 г. ГП чуть не разгромили на начальном этапе президентских выборов, когда лишь замена кандидата смогла обеспечить прохождение партии во второй тур, а в 2021 г. ее на короткое время опередила в опросах антисистемная партия «Польша 2050» под руководством Ш. Головни¹². Данные проблемы ГП вызваны прежде всего тем, что, пытаясь привлечь на свою сторону людей либеральных взглядов, партия при этом не формулирует четко свою позицию по таким острым вопросам, как сокращение влияния церкви в обществе и предоставление женщинам права на аборт. По данным вопросам партия в своей программе делает намеки оппозиционно настроенным избирателям, не заявляя позицию прямо (говоря о «правах полек» вместо права на аборт¹³, избегая упоминания церкви вместо декларации принципов светского государства и др.). Оппонируя ПиС, она зачастую не решается пойти дальше привычных для себя компромиссных установок, что в условиях общественной поляризации уже не удовлетворяет значительную часть ее целевого электората.

Все упомянутые проблемы ГП и ПиС позволяют сделать вывод, что в будущем в Польше не следует ожидать усиления «тяги к двухпартийности». При этом нельзя не учитывать, что доминирование двух партий на политической арене в последние 15 лет было устойчивым, произошел бурный рост поддержки ПиС в целом по стране и постепенное расширение влияния ГП в местной политике, а резкий рост явки на выборах 2019 и 2020 гг. не подорвал преобладания двух партий в польской политике. Однако данные факты и тенденции не перевешивают тех проблем, с которыми сталкиваются ПиС и ГП при попытках минимизировать влияние третьих сил. Вряд ли оправдано также часто встречающееся мнение, что авторитарные наклонности в политике ПиС могут привести к формированию в Польше политической системы наподобие венгерской (с доминированием одной партии), поскольку для этого нет ключевой предпосылки — возможности ПиС получить конституционное большинство без голосов ГП.

¹² Poll of Polls — Polish polls, trends and election news for Poland, 2022, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/poland/> (дата обращения: 29.10.2022).

¹³ Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej, 2019, s. 16, URL: <https://platforma.org/upload/document/86/attachments/121/КО%20Program.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

Выводы

Политическую систему в Польше в последние 15 лет можно по совокупности показателей охарактеризовать как систему с двумя доминирующими партиями. Об этом свидетельствует не только основной критерий (распределение мест в Сейме), но и множество других факторов: роль президента и Сената, усиление влияния двух партий на региональных выборах, преобладание двух партий практически во всех основных социальных группах, идеологическая поляризация, формирование шаблонных сценариев избирательных кампаний, основанных на противостоянии двух сил, и др. Появлению партийной системы в ее новом варианте способствовал глубокий кризис левых сил, программное размежевание двух партий, усиление фактора ЕС в польской политике, возможность (особенно в случае ПиС) привлечь избирателей с различными идеологическими установками, а также особенности законодательства о выборах. Новая партийная модель, возникшая со второй половины 2000-х гг., вплоть до настоящего времени отличалась высокой внутренней устойчивостью, несмотря на большое число проблем, с которыми сталкивались ПиС и ГП на пути к расширению своего влияния. Многочисленные скептические прогнозы относительно перспектив складывания в Польше системы с доминированием двух партий к настоящему времени не оправдались.

Однако логика, которая стояла за данными прогнозами, сохранилась. Сложно ожидать, что «тяга к двухпартийности» в Польше продолжит усиливаться: это не соответствует не только многим реалиям польской политики, но и ее глубоким историческим традициям. Дальнейшее развитие двухпартийного начала сдерживается неспособностью двух партий совместно определить новые правила игры в польской политике, наличием пропорциональной системы на выборах в парламент, слабостью партий на местном уровне, отсутствием по-настоящему массового членства в партиях. Будущий потенциал двух партий сдерживает также «мода» на новые партии в обществе, слабость механизмов кадрового обновления высшего партийного руководства, а в случае ГП также нестабильность общественной поддержки вследствие усиления идеологической эклектичности в 2010-е гг.

При этом необходимо отметить, что существующая уже более 15 лет «тяга к двухпартийности» имела помимо отдельных негативных моментов (усиление общественной поляризации) также немало позитивных: формирование более стабильных правительств, структурирование политического процесса и обеспечение последовательной линии властей Польши в тех вопросах, где две партии сходятся. Логика развития польской партийной системы в последние 15—20 лет показала, что она способна развиваться именно как система, а не как хаотический набор разнородных партийных комбинаций.

Список литературы

1. Дюверже, М. 2013, *Политические партии*, 5-е изд., М., Академический проект, 544 с.
2. Siaroff, A. 2003, Two-and-a-Half Systems and the Comparative Role of the 'Half', *Party Politics*, vol. 9, № 3, p. 267—290, <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>.
3. Hou, P. 2020, Menu or Mandate? EU Governance and Party Politics in Poland, *Chinese Political Science Review*, № 5, p. 588—607, <https://doi.org/10.1007/s41111-020-00147-0>.
4. Szczerbiak, A. 2008, The Birth of a Bipolar Party System or a Referendum on a Polarizing Government? The October 2007 Polish Parliamentary Elections, *Communist Studies and Transition Politics*, vol. 24, № 3, p. 415—443, <https://doi.org/10.1080/13523270802267955>.
5. Kurek-Bąk, J. 2013, Transformacja polskiego systemu partyjnego po 1989 roku, *Studia Politicæ Universitatis Silesiensis*, № 10, s. 53—82.
6. Dzieciński, P. 2009, Kształtowanie się i ewolucja systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku, *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Res Politicæ*, vol. 3, s. 185—200.

7. Danel, Ł. 2013, 25 lat kształtowania się polskiego systemu partyjnego — teoria i praktyka, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Krakowie*, №921, s. 35—53.
8. Gwiazda, A. 2009, Poland's Quasi-Institutionalized Party System: The Importance of Elites and Institutions, *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, №3, p. 350—376, <https://doi.org/10.1080/15705850903105769>.
9. Михалев, О. Ю. 2014, Польша: политический расклад после Смоленска (2010—2013), *Современная Европа*, №4, с. 70—83, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420147083>.
10. Stanley, B. 2020, A Comparison of Two Polish Leaders: Jarosław Kaczyński and Donald Tusk, in: Gherghina, S. (ed.), *Party Leaders in Eastern Europe*, Cham, Palgrave Macmillan, p. 171—195, https://doi.org/10.1007/978-3-030-32025-6_8.
11. Волобуев, В. В. 2022, Качинизм как польская версия великодержавного консерватизма, *Свободная мысль*, №1, с. 89—104.
12. Szczerbiak, A. 2013, Poland (Mainly) Chooses Stability and Continuity: The October 2011 Polish Parliamentary Election, *Perspectives on European Policy and Society*, vol. 14, №4, p. 480—504, <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.793535>.
13. Воротников, В. В. (общ. ред.). 2021, *Польша в современном мире*, М., МГИМО-Университет. 273 с.
14. Tworzecki, H. 2019, Poland: A Case of Top-Down Polarization, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 681, №1, p. 97—119, <https://doi.org/10.1177/0002716218809322>.
15. Лыкошина, Л. С. 2015, «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши, М., ИНИОН РАН, 258 с.
16. Савенков, Р. В. 2019, Левые партии сегодня. Потенциал оппозиции в современной Польше, *Свободная мысль*, №4, с. 168—181.
17. Bernhard, M. 2021, Democratic Backsliding in Poland and Hungary, *Slavic Review*, vol. 80, №3, p. 585—607, <https://doi.org/10.1017/slr.2021.145>.
18. Materska-Sosnowska, A. 2011, Instytucjonalizacja polskiego systemu partyjnego — wybrane aspekty, *Studia Politologiczne*, vol. 22, s. 76—90.
19. Flis, J., Kwiatkowska, A. 2018, Polski system partyjny — idee i identyfikacje, w: Wojtaszczyk, K. A., Stawarz, P., Wiśniewska-Grzelak, J. (red.), *Zmierzch demokracji liberalnej*, Warszawa, Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, s. 587—606.
20. Носкова, А. Ф. (ред.). 2012, *Польша в XX веке. Очерки политической истории*, М., Индрик, 952 с.
21. Filipczak-Białkowska, A. 2021, *Od prawicy do lewicy. Struktura ideologiczna polskich partii politycznych w latach 2015—2017*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 190 s.
22. Wojtasik, W. 2020, Changes in the Party System in the Context of Deconsolidation of Democracy in Poland, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 49, №1, p. 55—66, <https://doi.org/10.15804/ppsy2020105>.
23. Глухова, А. В., Савенков, Р. В. 2019, Новый авторитаризм в польском облачении, *Политические исследования*, №4, с. 181—191, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13>.
24. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2018, Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте, *Политические исследования*, №5, с. 17—28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03>.
25. Uziębło, P. 2011, Wpływ systemów wyborczych na systemy partyjne (wybrane zagadnienia), *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, №3, s. 67—87.
26. Jastrzębski, M. 2013, Wpływ zmian prawa wyborczego na ewolucję systemu partyjnego w Polsce w latach 1989—2011, w: Kuczur, T., Wolsza, T. (red.), *Polska w XX wieku: w kręgu badań historycznych, politologicznych i prawnych*, Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, s. 323—345.
27. Radecki, M. 2012, Czy w Polsce istnieje kartel partii politycznych? *Świat Idei i Polityki*, vol. 11, s. 87—105.
28. Майорова, О. Н. 2016, Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г., *Славянский альманах*, №1—2, с. 147—163.
29. Jaskiernia, J. 2017, The Development of the Polish Party System: a Perspective of the Parliamentary Elections Results, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 46, №2, p. 227—246, <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy2017214>.

30. Marmola, M. 2020, Poziom reprezentatywności partii politycznych i zapotrzebowanie na nowe ugrupowania w polskim systemie partyjnym, *Wrocławskie Studia Politologiczne*, № 29, s. 49—57, <https://doi.org/10.19195/1643-0328.29.4>.

31. Лыкошина, Л. С. 2015, Десять лет спустя: о выборах 2015 г. в Польше, *Современная Европа*, № 6, с. 89—98, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620158998>.

32. O'Dwyer, C., Stenberg, M. 2021, Local-Level Democratic Backsliding? The Consolidation of Aspiring Dominant-Party Regimes in Hungary and Poland, *Government and Opposition*, vol. 57, № 3, p. 508—531, <https://doi.org/10.1017/gov.2021.12>.

33. Носович, А. А. 2020, Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и ее союзникам внутренняя политика «Права и справедливости», в: Крашенинникова, В. Ю., Буевич, Д. С. (ред.), *Польша в борьбе за Восточную Европу 1920—2020*, М., Кучково поле, с. 144—153.

34. Materska-Sosnowska, A. 2015, Relacje między wyborami prezydenckimi a systemem partyjnym w Polsce, *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*, № 1, s. 75—92.

35. Яжборовская, И. С. 2016, Польша 2015—2016 гг. Хроника неавторитарного реванша, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 49—65, <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05>.

36. Носович, А. А. 2022, Куда заведет Польша? *Россия в глобальной политике*, № 1, с. 188—204, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-188-204>.

37. Волобуев, В. В. 2020, Польша: от социального государства к социальному учению церкви, в: Никифоров, К. В. (ред.), *Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX—начало XXI вв.*, М., СПб., Нестор-История, с. 126—164.

38. Михалев, О. Ю. 2018, Состояние и перспективы либеральных партий в Польше, *Современная Европа*, № 7, с. 61—72, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720186274>.

Об авторе

Игорь Сергеевич Путинцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: isp90@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2576-4467>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE TWO-PARTY TENDENCY IN POLAND'S POLITICAL SYSTEM: MANIFESTATIONS, CAUSES AND PROSPECTS

I. S. Putintsev

MGIMO University
76, Vernadskogo Pr., Moscow, 119454, Russia

Received 29 July 2022
Accepted 15 December 2022
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2
© Putintsev, I. S., 2023

The article analyses the Polish political system and the increasing role of two political parties in it. This tendency has been observed in Poland for more than 15 years. We can draw a conclusion that two-and-a-half-party system has formed in Poland. Using Duverger's phrasing,

To cite this article: Putintsev, I. S. 2023, The two-party tendency in Poland's political system: manifestations, causes and prospects, *Balt. reg.*, Vol. 15, № 1, p. 18—33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

there is a “two-party tendency” in the functioning of the Polish model. The study analyses the facts that firm up this conclusion: not only the distribution of seats in the Sejm (the main criterion) but also many other quantitative and qualitative characteristics of the political system contribute to the development of the current political trend. The main goal of this article is to identify the factors that have led to the emergence and development of the tendency and assess the prospects of its further evolution, considering that both leading parties face multiple difficulties. The article concludes by pointing out that Poland is unlikely to continue strengthening its two-party tendency, and could instead return to the multiparty system with many influential parties which this system is more characteristic of the country historically. However, in recent years the leading role of two parties in the political system has had more positive effects rather than negative ones.

Keywords:

Poland, party system, Law and Justice, Civic Platform, two-party system, two-and-a-half party system, two-party tendency

References

1. Duverger, M. 2013, *Politicheskie partii* [Political Parties], 5th ed., Moscow, Academic Project. 544 p. (in Russ.).
2. Siaroff, A. 2003, Two-and-a-Half-Party Systems and the Comparative Role of the ‘Half’, *Party Politics*, vol. 9, № 3, p. 267—290, <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>.
3. Hou, P. 2020, Menu or Mandate? EU Governance and Party Politics in Poland, *Chinese Political Science Review*, № 5, p. 588—607, <https://doi.org/10.1007/s41111-020-00147-0>.
4. Szczerbiak, A. 2008, The Birth of a Bipolar Party System or a Referendum on a Polarizing Government? The October 2007 Polish Parliamentary Elections, *Communist Studies and Transition Politics*, vol. 24, № 3, p. 415—443, <https://doi.org/10.1080/13523270802267955>.
5. Kurek-Bąk, J. 2013, Transformacja polskiego systemu partyjnego po 1989 roku, *Studia Politicæ Universitatis Silesiensis*, № 10, s. 53—82.
6. Dzieciński, P. 2009, Kształtowanie się i ewolucja systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku, *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, Seria: Res Politicæ*, vol. 3, s. 185—200.
7. Danel, Ł. 2013, 25 lat kształtowania się polskiego systemu partyjnego — teoria i praktyka, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Krakowie*, № 921, s. 35—53.
8. Gwiazda, A. 2009, Poland’s Quasi-Institutionalized Party System: The Importance of Elites and Institutions, *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, № 3, p. 350—376, <https://doi.org/10.1080/15705850903105769>.
9. Mikhalev, O. Yu. 2014, Poland: Political Set up after the Smolensk (2010—2013), *Sovremennaya Evropa*, № 4, p. 70—83, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420147083> (in Russ.).
10. Stanley, B. 2020, A Comparison of Two Polish Leaders: Jarosław Kaczyński and Donald Tusk, in: Gherghina, S. (ed.), *Party Leaders in Eastern Europe*, Cham, Palgrave Macmillan, p. 171—195, https://doi.org/10.1007/978-3-030-32025-6_8.
11. Volobuev, V. V. 2022, Kaczynism as a Polish Version of the Great Power Conservatism, *Svobodnaya mysl* [Free Thought], № 1, p. 89—104 (in Russ.).
12. Szczerbiak, A. 2013, Poland (Mainly) Chooses Stability and Continuity: The October 2011 Polish Parliamentary Election, *Perspectives on European Policy and Society*, vol. 14, № 4, p. 480—504, <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.793535>.
13. Vorotnikov, V. V. (ed.). 2021, *Pol’sha v sovremennom mire* [Poland in contemporary world], Moscow, MGIMO University. 273 p. (in Russ.).
14. Tworzecki, H. 2019, Poland: A Case of Top-Down Polarization, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 681, № 1, p. 97—119, <https://doi.org/10.1177/0002716218809322>.
15. Lykoshina, L. S. 2015, “Pol’sko-pol’skaya voina”: *Politicheskaya zhizn’ sovremennoi Pol’shi* [“Polish-Polish war”: The Political Life of Contemporary Poland], Moscow, INION RAS. 258 p. (in Russ.).

16. Savenkov, R. V. 2019, Left Parties Today. The Potential of the Opposition in Contemporary Poland, *Svobodnaya mysl* [Free Thought], № 4, p. 168—181 (in Russ.).
17. Bernhard, M. 2021, Democratic Backsliding in Poland and Hungary, *Slavic Review*, vol. 80, № 3, p. 585—607, <https://doi.org/10.1017/slr.2021.145>.
18. Materska-Sosnowska, A. 2011, Instytucjonalizacja polskiego systemu partyjnego — wybrane aspekty, *Studia Politologiczne*, vol. 22, s. 76—90.
19. Flis, J., Kwiatkowska, A. 2018, Polski system partyjny — idee i identyfikacje, w: Wojtaszczyk, K. A., Stawarz, P., Wiśniewska-Grzelak, J. (red.), *Zmierzch demokracji liberalnej*, Warszawa, Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, s. 587—606.
20. Noskova, A. F. (ed.). 2012, *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii* [Poland in the 20th century. Essays on Political History], Moscow, Indrik. 952 p. (in Russ.).
21. Filipczak-Białkowska, A. 2021, *Od prawicy do lewicy. Struktura ideologiczna polskich partii politycznych w latach 2015—2017*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 190 s.
22. Wojtasik, W. 2020, Changes in the Party System in the Context of Deconsolidation of Democracy in Poland, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 49, № 1, p. 55—66, <https://doi.org/10.15804/ppsy2020105>.
23. Glukhova, A. V., Savenkov, R. V. 2019. New Authoritarianism in Polish Vestment, *Polis (Russian Federation)*, № 4, p. 181—191, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13> (in Russ.).
24. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2018, National-Conservative “Turn” of Poland in Geopolitical Context, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 17—28, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03> (in Russ.).
25. Uziębło, P. 2011, Wpływ systemów wyborczych na systemy partyjne (wybrane zagadnienia), *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, № 3, s. 67—87.
26. Jastrzębski, M. 2013, Wpływ zmian prawa wyborczego na ewolucję systemu partyjnego w Polsce w latach 1989—2011, w: Kuczur, T., Wolsza, T. (red.), *Polska w XX wieku: w kręgu badań historycznych, politologicznych i prawnych*, Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, s. 323—345.
27. Radecki, M. 2012, Czy w Polsce istnieje kartel partii politycznych? *Świat Idei i Polityki*, vol. 11, s. 87—105.
28. Mayorova, O. N. 2016, The Right Turn in Poland. Presidential and Parliamentary Elections in 2015, *Slavyanskii al'manakh* [Slavic Almanac], № 1—2, p. 147—163 (in Russ.).
29. Jaskiernia, J. 2017, The Development of the Polish Party System: a Perspective of the Parliamentary Elections Results, *Polish Political Science Yearbook*, vol. 46, № 2, p. 227—246, <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy2017124>.
30. Marmola, M. 2020, Poziom reprezentatywności partii politycznych i zapotrzebowanie na nowe ugrupowania w polskim systemie partyjnym, *Wrocławskie Studia Politologiczne*, № 29, s. 49—57, <https://doi.org/10.19195/1643-0328.29.4>.
31. Lykoshina, L. S. 2015, 10 Years Afterwards: on the 2015 Elections in Poland, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], № 6, p. 89—98. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620158998> (in Russ.).
32. O'Dwyer, C., Stenberg, M. 2021, Local-Level Democratic Backsliding? The Consolidation of Aspiring Dominant-Party Regimes in Hungary and Poland, *Government and Opposition*, vol. 57, № 3, p. 508—531, <https://doi.org/10.1017/gov.2021.12>.
33. Nosovich, A. A. 2020, An Alternative for Europe. What Does the Internal Policy of “Law and Justice” Offer to Poland and Her Allies, in: Krasheninnikova, V. Yu., Bunevich, D. S. (eds.), *Pol'sha v bor'be za Vostochnuyu Evropu 1920—2020* [Poland's Struggle for Eastern Europe 1920—2020], Moscow, Kuchkovo pole, p. 144—153 (in Russ.).
34. Materska-Sosnowska, A. 2015, Relacje między wyborami prezydenckimi a systemem partyjnym w Polsce, *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*, № 1, s. 75—92.
35. Yazhborovskaya, I. S. 2016, Poland 2015—2016. Chronicle of Neoauthoritarian Revanche, *Polis (Russian Federation)*, № 5, p. 49—65, <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05> (in Russ.).
36. Nosovich, A. A. 2022, Where Is Poland Heading? *Russia in Global Affairs*, № 1, p. 188—204, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-1-166-184> (in Russ.).
37. Volobuev, V. V. 2020, Poland: from the Social State to the Social Teachings of the Church, in: Nikiforov, K. V. (ed.), *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evro-*

py. Konets XX — nachalo XXI vv. [Essays on the Political History of Central and South-Eastern Europe. From the Late 20th to the Early 21st Centuries], Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, p. 126—164 (in Russ.).

38. Mikhalev, O. Yu. 2018, Status and Perspectives of the Liberal Parties in Poland, *Sovremennaya Evropa*, № 7, p. 61 — 72, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720186274> (in Russ.).

The author

Dr Igor S. Putintsev, Associate Professor, Department of European and American History and Politics, MGIMO University, Russia.

E-mail: isp90@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2576-4467>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))